

**Библиотека
военных
приключений**

Владимир
ПЕРШАНИН

**ШТРАФНИК
ИЗ ТАНКОВОЙ
РОТЫ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1=311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Художник *Игорь Варавин*

Першанин, Владимир Николаевич.

П26 Штрафник из танковой роты / Владимир Першанин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 320 с. — (Библиотека военных приключений).

ISBN 978-5-699-90762-5

Он на фронте с 1941 года. Он один выжил из целого танкового батальона. Он потерял сотни друзей, сам шесть раз был подбит, ранен, горел в танке — но всегда возвращался в строй.

Страшной осенью 42-го, когда решалась судьба Сталинграда, он попал под жернова беспощадного приказа № 227 («Ни шагу назад!»). В танковых войсках не было штрафных рот, но были свои штрафники — те, кому давали самые погибельные, самые невыполнимые, смертельно опасные задания. И теперь он — один из таких смертников. Он отправляется в безнадежный танковый рейд по вражеским тылам — чтобы «смыть вину кровью»...

УДК 821.161.1=311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90762-5

© Першанин В.Н., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Их было у меня шесть. Два БТ
и четыре «тридцатьчетверки».
Как родные стали эти танки.
От них и следа не осталось, а я
вот, живу...

Волков А. Д.

Старый друг моего отца, Алексей Дмитриевич Волков, прошел Отечественную войну танкистом с осени сорок первого года и до декабря сорок четвертого. Шесть танков сменил он за это время. Из одних выпрыгивал, когда они уже горели, из других его, раненого, вытаскивали ребята из экипажа. Танкисты редко воюют так долго. Короткая у них жизнь на войне. Но и бывает, что проходят через годы войны. Ранения, контузии, долгие месяцы в госпиталях, учеба, запасные полки. Снова передовая, санбат или госпиталь, и так по кругу. У большинства этот круг где-то обрывался бугорком с деревянной пирамидкой и звездой. Фамилия, инициалы, даты рождения и смерти. Кому как повезет.

Дожди быстро смывают строчки, написанные химическим карандашом, реже выжженные раскаленным прутом. Проходят годы, и, если никто не позаботится, разваливается пирамида, сколоченная из снарядных ящиков, оседает бугорок, исчезая в траве. Говорят, на могилах трава растет особенно густо. Как и не было танкиста.

Алексей Дмитриевич прошел путь от города Трубчевска Брянской области до венгерского города Сарваш в 350 километрах от Будапешта. Мы начали работать над книгой давно и закончили лишь в прошлом году. С разрешения Алексея Дмитриевича я изложил его воспоминания от первого лица.

Глава 1

Я родился 26 апреля 1922 года в поселке Красноармейск, рядом с Царицыном, тогда еще уездным городом. В 1924 году Царицын переименовали в Сталинград. Кто ни разу не был в нашем городе, вкратце опишу его. Он протянулся узкой лентой вдоль правого берега Волги, километров на семьдесят. Наш поселок был южной окраиной города. Даже когда его официально включили в состав Сталинграда, от центра нас отделяли мало застроенные участки у подножия Ергенинских холмов, поселки Бекетовка, Ельшанка, сплошь застроенные деревянными домами и мало напоминающие город.

Мой отец работал техником на железной дороге (в будущем это спасет часть нашей семьи), мама — учительницей в начальной школе. Вначале жили в бараке, потом отец вместе с дедом взялись строить дом. Строили его очень долго, потому что любые стройматериалы в наших безлесных краях были дефицитом и продавались строго по разрешениям. Помню, как радовались отец и дед, когда на грузовике привезли кладку старых, потрескавшихся от времени железнодорожных шпал, списанных из-за негодности.

Мы все разгружали тяжеленные маслянистые шпалы, помогали соседи, а потом мать сварила щи с бараниной, нажарила рыбы, и мы дружно отметили удачу. А я, разглядывая лопнувшие, измятые брусья, покрытые потеками древней смолы, рассуждал, что

дом получится безобразным. Но у отца и у деда хватило сноровки и мастерства. Дом, хоть и небольшой, получился не хуже, чем у других.

В 1929 году я пошел в школу. Детей в семье было четверо, но младшая сестренка умерла младенцем. Осталось трое. Старшая сестра Таня, я и младший брат Саша. Он родился в феврале 1927 года.

До переезда в дом мы лет десять жили в бараке. Всей семьей занимали одну большую комнату, перегороженную занавеской. Родители спали на металлической кровати, мы — на деревянных топчанах. Дед с бабушкой — в углу маленькой кухни. Топили углем, с которым тоже были проблемы. Выручало то, что отец и дед работали на железной дороге. Каждую осень нам выписывали какое-то количество угля и машину деревянных обрезков на растопку.

Как мы жили? Как ни расхваливай те времена, а семь человек в одной комнате — многовато. Для личной жизни ни старым, ни малым места не хватало. Деликатесами нас жизнь не баловала, но и не голодали. Выручал огород, который ежегодно давал хороший урожай. Огромные помидоры, баклажаны (у нас их называют «синенькие»), капуста, перец и так далее.

Раннюю картошку сажали сами, а позднюю, на зиму, привозили из Тамбовской или Ульяновской области. Для картошки климат у нас был слишком жаркий. Мясом особенно не баловали. Чаще покупали обрезки, рубец, еще какие-то субпродукты. Из домашней живности держали штук двенадцать кур. Попытались раза два выращивать поросят, потом это занятие бросили. Не было кормов, высокие налоги, да еще крысы развелись.

Имея хорошего знакомого в одном из районов, отец договаривался с приятелем-машинистом, и в начале декабря покупали свинью, обычно на три семьи. Это была наша главная мясная еда на всю зиму. Солили сало, делали рулет (то же самое сало, только

отварное в соленой воде и нашпигованное чесноком), варили холодец. Полтора-два пуда свинины на большую семью хватало только щи да картошку заправить. Соленое сало считалось лакомством. По кусочку мать давала отцу и деду вместе с хлебом и картошкой на смену. Ну, а нам, мелкоте да женщинам, доставалось совсем понемногу.

Дед был заядлым рыбаком, имел деревянную весельную лодку. Работа не давала ему возможности ездить часто, но рыба с весны до осени у нас бывала. На зиму дед заготавливал бочонок соленой селедки. Сельдь — рыба своеобразная. Жирная, вкусная, но солить и хранить ее — целая наука. Обычно к зиме она сильно ржавела и даже хорошо отмоченная становилась невкусной.

Я тоже, как большинство мальчишек, любил рыбалку. Но настоящий клев на Волге — вечером, ночью или рано утром. А мама лет до четырнадцати меня на ночь отпускать не решалась. Родом из лесной местности, она боялась воды. Волга казалась ей едва ли не морем, и она опасалась, что я утону. Мальчишки оставались на ночь, а я вечером, провожаемый насмешками, возвращался домой.

С возрастом этот вопрос уладился. Иногда меня брал с собой дед, но я предпочитал рыбалить в компании сверстников. Снасти у нас были самые примитивные. Донки из тонкого шнура (их называли «закидушки») с тремя-пятью крючками и грузом на конце. Каждый пацан повзрослее имел «завозню», длиной метров семьдесят, на пятнадцать-двадцать крючков. На завозни попадалась более крупная рыба, а груз мы завозили вплавь или на резиновой камере. Не скажу, что я был слишком удачливым рыбаком, но лет с тринадцати почти никогда не возвращался без добычи.

Ловили на песчаных косах. Попадались подлещики, судаки, язи, небольшие сомята. Сомы, покрупнее, обрывали наши снасти или ломали крючки. Так или

иначе, но летом рыбу мы почти не покупали, особенно когда мама стала отпускать на ночь. Изредка попадались осетры, тогда я вообще ходил победителем.

Но к этому возрасту меня активно подключили к строительству дома, и на рыбалку я убегал вечером, а с утра помогал деду. Отец работал на строительстве дома только в выходные, так как возвращался с работы поздно. Возведение и отделка дома мне порядком надоели, но осенью тридцать восьмого года мы наконец переселились в свой дом. Работы меньше не стало, но у нас с братишкой появилась отдельная комната.

В школе я учился неплохо. Особенно любил историю, географию, литературу. Любил книги о путешествиях, приключениях, исторические. К восьмому-девятому классу прочитал почти всего Чехова, Станюковича, Майн Рида, Джека Лондона. Читал все подряд. Отец, подвыпив, не любил видеть меня за книгой, рыбалку тоже не одобрял. Характер у него был тяжелый. Крепко выпив, он мог устроить скандал, швырять тарелки. В это время к нему старались не подходить. Работа заставляла отца прекращать пьянку, и мы снова жили в мире.

Вспоминая газетные статьи времен перестройки и девяностых годов, я невольно ставил себя на место молодых читателей. Судя по этим статьям, у них, наверное, должно было отразиться самое мрачное впечатление о конце тридцатых годов. Сплошные репрессии, страх, разговоры с оглядкой, безудержное восхваление И.В. Сталина. Скажу прямо, о репрессиях я не очень-то слышал. Язык нам распускать не давали — это точно. Анекдотов про Сталина не было. А насчет восхвалений, то и Хрущева, и Брежнева, и всех последующих руководителей превозносили куда больше, чем они этого стоили.

Люди, переехавшие в город, подвыпив, вспоминали коллективизацию, как составляли списки кула-

ков, середняков, бедняков. Силком загоняли в колхозы, где толком ничего не платили. Один из соседей говорил так:

— Я деньги в глаза не видел. Даже как они выглядят. А кормились с подсобного хозяйства да с огородов.

В нашем поселке, где жили рабочие судоверфи, лесозавода, кирпичного завода, железнодорожники, «черные воронки» никого по ночам не забирали. Мои родители привили мне любовь к Сталину. Не скажу, что на него молились, но относились с уважением и верили в его мудрость.

Хотя вечный дефицит тканей, одежды, ниток (все-го не перечислишь!) заставлял женщин, особенно бабу, бурчать на власть. Дед в кругу близких друзей, выпив, тоже ругался, что крестьян силой сгоняли в колхозы. Потом спрашивал меня, не слишком ли громко он выступал. Деда я любил. Он был добродушным и бесхитростным человеком. Но иногда я его поддразнивал:

— Как же не громко? Даже соседи слышали. Доиграешься ты, дед.

— Да ладно тебе. Чего я особенного говорил? Так, покаялкали за жизнь.

Какие события обсуждали в те годы? Конечно, войну против фашиста — Франко в Испании. Знаменитая фраза Долорес Ибарурри «Лучше жить стоя, чем умереть на коленях» повторялась нами и стала для многих девизом. Популярными были песни «Матрос Железняк» и «Три танкиста», которые распевали и на концертах, и на улицах. Знаменитый летчик Михаил Водопьянов приземлился на Северном полюсе. Много писали о дрейфе научной экспедиции Папанина. Стать полярниками мечтали едва не половина мальчишек и девчонок. Запомнились мне вышедшие тогда новые книги «Вратарь республики» Льва Кассиля и «Старик Хоттабыч» Лагина. Я их перечитал раза по три.

В 1939 году отца едва не забрали на Финскую войну. Мама приготовила ему вещи, продукты. Но война закончилась как-то неожиданно, судя по газетам, победоносно. Правду о той войне я узнал уже на фронте, встречаясь с участниками «зимней войны». Ну, и упомяну «освобождение» Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, где, как убеждало радио, нас тепло встречали обездоленные крестьяне.

А теперь вернусь к нашей повседневной жизни. Своего деда я любил. Он единственный в семье давал мне деньги на карманные расходы, помогал улизнуть на рыбалку. Кем я хотел стать? Перечислю по годам: вначале путешественником, потом моряком, геологом, летчиком, полярником... и так далее.

Но судьба сложилась по-другому. Сестра Таня пошла в железнодорожное ФЗУ, а родители уговорили меня продолжать учебу в школе. В 1939 году закончил десять классов. Меня вызвали в военкомат и предложили пойти в военное училище. Но мама мечтала, что я буду учиться в медицинском институте. Профессия врача казалась ей самой почетной (слово «престиж» мы тогда не знали) и уважаемой. Я обещал военкоматовским работникам подумать и неожиданно легко сдал экзамены в педагогический институт на историко-филологический факультет. Хотел на географический (дальние страны, геодезия, путешествия, работа геологом!), но меня дружно отговорила вся семья. Учитель географии — смешно! А история, литература — это путь к интересной работе. Ведь я люблю читать, так?

— Так, — кивал я.

— Историю хорошо знаешь. Петр Первый, Пугачев, декабристы, Ленин, революция. Тебе там будет интересно.

И даже дед вполне логично разъяснил мне, что история — вещь очень серьезная. Прямой путь в начальники.

Факультет состоял процентов на восемьдесят из девушек. У меня глаза разбегались. И не просто девчонки из рабочего поселка, почти деревни, а ухоженные барышни, нарядные, с модными прическами. Впрочем, на нас, своих сокурсников, они внимания почти не обращали. На танцевальные вечера приходили студенты из технического института, будущие инженеры, начальники цехов и предприятий. Куда мне равняться с ними, в своем костюме, перешитом из отцовского железнодорожного кителя. Я уже не говорю про курсантов военного училища или молодых летчиков-лейтенантов. Вот кому я завидовал и поклялся себе, что тоже стану летчиком. Правда, как это осуществить в реальности, я не представлял. Бросать институт? Но учиться мне было интересно.

Впрочем, если закончить тему о моих отношениях с девушками, добавлю еще несколько слов. Как и все в этом возрасте, я был влюблен в Аллу Бердникову, стройную броскую девушку из нашей группы. Естественно, любовь была тайной, я старался не показывать ее, дожидаясь какого-то случая. Какого, я и сам не представлял. Алла относилась ко мне равнодушно, кавалеров у нее хватало, несмотря на дефицит парней на факультете. Чем я мог похвалиться? Рост у меня был 168 сантиметров, лицо обычное, по весне — конопатое. Правда, физически я был крепкий. Еще в школе занимался борьбой, футболом и продолжал играть в футбол за сборную факультета.

Еще мне хочется рассказать немного об общей атмосфере в институте. Она была доброжелательная. Запомнились диспуты о литературе, поэзии (историю трогали меньше). Как горячились, кричали, а за метко сказанные слова получали громкие аплодисменты всегда полного зала. Но я не хотел бы и упрощать взаимоотношения. Институт — это не наш заводской поселок. Здесь чувствовалось некое разделение. Те, кто жил в центре, нередко имели высоко-

поставленных родителей. Нет, этих студентов (или студенток) не привозили на машинах, они не хвальнолись золотыми украшениями. На лекциях и занятиях мы были вроде наравне. Но в свободное время все же существовала какая-то незримая черта. Те, кто «повыше», общались больше в своих компаниях, ну, и одевались, конечно, лучше. В этом не было какого-то противостояния, но некоторые вещи я воспринимал со скрытой обидой. Например, был такой случай, когда мы с одноклассником Адиком Закутным собирались куда-то ехать. Когда подошли к его дому, красивому, хорошо отделанному, он сказал мне:

— Леша, ты подожди меня в беседке минут десять. Я быстренько перекушу, переоденусь и сразу прибегу.

Четырех- или пятиэтажные дома стояли в ряд на набережной Волги. Чувствовалось, что в них живут люди не простые. Хорошая детская площадка, асфальтированные дорожки. Признаться, мне очень хотелось глянуть, какие здесь квартиры. Но Адик меня не догадался или не нашел нужным пригласить. Не спросил, хочу ли я есть. А есть я хотел почти всегда. Не голодал, но много двигался, и аппетит был хороший. Я дождался Адика (а ведь хотел уйти), и мы поехали, куда собирались. После этого я с месяц избегал приятеля. Он, видимо, догадался, что-то говорил о ремонте в квартире.

— Ремонт так ремонт, — пожал я плечами. — Мне-то какое дело!

Из девочек нашей группы на меня заглядывалась худенькая и невзрачная, как казалось мне, Лена Батурина. Старалась сесть поближе на лекциях, угощала домашними пирожками. Изредка я провожал ее домой, но дальше этого дело не шло. Правда, на втором курсе у меня чуть не случилось настоящее любовное приключение.

Поселок Красноармейск тогда не входил в черту Сталинграда, и мне полагалось место в общежитии.

Пригородный поезд от нас шел в центр два с лишним часа, и я приезжал домой только с субботы на воскресенье. Запасался картошкой, крупой. Но ездить домой каждую неделю не получалось: то соревнование, то воскресник. Когда продукты из дома заканчивались, а денег оставалось совсем немного, мы с дружкой, Костей Серовым, покупали в киоске хлебозавода на ужин по паре теплых булочек. Нести их в общежитие не хватало терпения. Мы тут же проглатывали по одной булочке, затем шли к тележке с газированной водой. Выпивали по стакану газировки с малиновым сиропом и доедали оставшиеся булочки.

Кругленькая смешливая продавщица любила с нами поболтать, отдавая мне явное предпочтение. И сиропа наливала больше, так что мне было неудобно перед Костей. Я уже не помню имени продавщицы, но жила она в частном доме на Дар-Горе. Я проводил ее после работы раз и другой. Мы целовались с ней на лавочке, и она тяжело дышала, обмякая под моими руками. Была весна сорок первого года. Мне исполнилось восемнадцать. Никакого любовного опыта я не имел, а то бы понял, что моя подружка готова к более близким отношениям. Я чего-то испугался и в очередной раз не пришел на свидание.

До войны оставалось совсем немного. После первого курса, летом сорокового года, многих студентов призвали в армию, но наш факультет не тронули. Может, потому, что парней у нас было раз-два и обчелся. Пообещали, что мы будем проходить усиленную военную подготовку. И действительно, весь второй курс мы много занимались военным делом. Дотошно, в теории и на практике, изучали химическую защиту. Возились с противогАЗами, зубрили свойства ядовитых веществ. Далась же кому-то эта «химия»! На фронте она нам не пригодилась. Стреляли в тире из малокалиберки и сдали нормы ГТО. Очень не люби-